

По благословению митрополита Костромского и Нерехтского Феодонта

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

Издание Православного Просветительского
Братства при храме святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия

ВЫХОДИТ С МАРТА 1997 ГОДА

№ 1 (172) апрель 2023 г.

*Он шёл безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.*

*Он шёл безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал свободу и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась Его святая кровь.*

*О дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ Тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовёт?*

*О нет! не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос Истины корысть и суета;
Ещё настанет день... Вдохнёт и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!*

О РАДОСТИ ХРИСТОВОЙ

Христос Воскресе!

Мы в радости Христовой, и если бы только мы понимали, что можем радоваться даже среди скорби житейской! Есть пример тому: в Ветхом Завете рассказывается, как трое молодых людей отказались исполнять приказание властителя поклоняться идолам и за это были брошены в огонь, в печь огненную (Дан 3:12–95). И милостью Божией смерть их не коснулась, больше того: когда доложили о том властителю, вавилонскому царю, он пошел посмотреть на это диво – и что же он увидел? Он с изумлением воскликнул: не трех ли я бросил в эту печь, как же в этой печи сейчас четыре человека, и один из них – во славе Сына Божия?

С нами Бог в самой жгучей, в самой трагической нашей скорби, так же как Он с нами как Даятель радости, во всякой радости – и большой, и как будто маленькой: для Бога мелкого ничего нет, потому что любовь не различает между тем, что крупно и мелко. Разве мать, разве отец не ликуют всем сердцем о том, что их дитя радуется какому-то подарку: кукле, зверю, игрушке? Да, потому что в этой радости вся душа изливается, и этот подарок – не предмет, этот подарок – воплощение родительской любви; вся любовь родительская дается в этом скромном образе.

Так же и Господь принимает нашу радость, какова бы она ни была: тихая или пламенная; так же Он воспринимает наши скорби: как бы они ни были перед вечностью незначительны, во времени они могут разрывать наше сердце до боли. И Господь все на Себя взял: всю скорбь земли Он понес на Своих плечах, и от этой скорби земли, потому что Он захотел с нами ее разделить, Он умер на кресте. Бог стал человеком. Почему Он это мог сделать? Потому что каждый из нас для Него так дорог, что Он за каждого из нас готов отдать всю Свою жизнь и всю Свою крестную смерть. Если мы понимаем, что мы так любимы, разве есть место для уныния, для полного упадка сил? Да, конечно, бывают моменты, когда разрывает наше сердце боль или когда тревога его заполняет, но за пределом боли, за пределом тревоги мы можем знать: мы так любимы Богом, что Он готов умереть, чтобы мы жили. И действительно, умер Христос на кресте, и не только за тех, которые Его посыльно любили, не только за тех, которые надеялись, что Он не будет убит на кресте, но и за тех самых людей, которые Его засудили на смерть и пригвоздили ко кресту: *прости им, Отче! они не знают, что творят* (Лк 23:34). Вот мера любви Божией не к друзьям, а к врагам; вернее: Бог не знает врагов, есть люди, которые к Нему враждебно относятся, но Он всех любит одинаковой, ласковой и крестной, любовью. Апостол Павел нам об этом говорит: о том, как дивно, что Бог нас возлюбил, когда

мы еще были Его врагами, чужими для Него (Рим 5:8), и любовью Своей сделал нас Своими, родными. Он не стыдится нас называть братьями и сестрами. Как это дивно!

А после крестной смерти – победа; и мы должны помнить, мы должны помнить, что после каждой скорби, каждой трагедии приходит момент, когда Бог дает нам новую глубину души, новые силы, новое понимание жизни, новую способность нести крест, для того чтобы другие могли ожить и тоже возрадоваться о Боге.

И еще: мы знаем, что в Вознесении Христовом Он, распятый Сын Человеческий, сидит по правую сторону Бога и Отца. И в Его лице, потому что Он не частный человек, а представляет Собой весь человеческий род, все мы уже можем глядеть в сторону этого престола и знать, что там – Человек, что наше место там, где Христос, знать, как апостол Павел говорит, что *наша жизнь скрыта со Христом в Боге* (Кол 3:3).

Как сияет над нами, как сияет в наших сердцах, когда мы только заглянем вглубь сердца, победа Божия и любовь Божия! Евангелие нам говорит, что где сокровище наше, там и сердце наше будет. Разве наше сокровище не во Христе, разве Он, так нас полюбивший, не может быть для нас самым любимым, самым дорогим? И этим Он ни у кого не крадет человеческой любви, потому что мы можем Его любить всем сердцем и вдруг увидеть, что любимых нами по-человечески мы теперь начинаем любить, как Бог их любит: не только нашим сердцем, а Божественной любовью.

Вот что нам открывает Воскресение Христово. Мы будем идти в этом свете почти до праздника Троицы, а потом, в день Троицы, мы должны раскрыться тому, чтобы Святой Дух сошел на нас и мы стали как апостолы и просияли вечной жизнью. Каждый наш поступок должен стать таков, чтобы он мог войти в вечную жизнь после нашей смерти и еще до нее, ни одно наше слово не должно быть гнилым словом, каждая мысль должна быть чиста, каждое движение сердца – достойно того, что Бог нас любит. Разве мы не знаем, как мы стремимся быть светлыми, чистыми, когда вдруг чувствуем пламенную любовь к одному человеку или когда знаем, что мы кем-то любимы? Мы так любимы Богом. Неужели мы не сумеем любить чистой, светлой, победоносной любовью Воскресения? Дай нам Бог силы на это! Человеческими силами этого не сделать, но Господь сказал апостолу Павлу: *Довольно тебе Моею благодати, Моя сила в немощи совершается* (2 Кор 12:9). И в другом месте Павел говорит: *Все мне возможно в укрепляющем меня Господе Иисусе Христе* (Флп 4:13). И что было возможно для него – возможно и для нас, если только мы так откроемся Богу и дадим Ему просто любить через нас, действовать через нас, быть посредством нас среди людей обездоленных, как Царство Божие, уже пришедшее в силе. Аминь!

Христос Воскресе!

За последнее время каждый из нас осознал, как хрупок окружающий мир, как быстро может разрушиться все, что еще вчера казалось таким привычным и незыблемым. И при этом всем нам был дан шанс по-настоящему ощутить, как неоценимо велик дар, принесенный всем нам распятым и воскресшим Христом. Дар знать: что бы ни случилось с нами и нашими близкими, Он рядом; что каким бы глубоким ни было отчаяние, ничто не может разлучить нас с Ним, а через Него и с нашими любимыми – ни здесь, в этом мире, ни в вечности. И в день Светлого Христова Воскресения мы можем только пожелать и вам, дорогие наши братья и сестры, и самим себе готовности этот безмерный дар принять.

Воистину Воскресе Христос!

ДРУГИЙ СУДЬБЫ НАМ И НЕ НАДО

Xристианское Откровение изменило судьбу римлян, германцев, кельтов и славян, хотя и не сразу, и не в одно время.

Корень один, а судьбы получились разные. Почему? В чем причина того, что европейская и российская цивилизация, которые Арнольд Тойнби назвал «сестринскими», так и не слились, хотя несколько раз были от слияния на расстоянии протянутой руки? Может, это о нас сказал Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти»? О, нет, его «Восток» – это Индия и все, что за ней, – Китай, Бирма и прочее. Это действительно нечто совсем другое, но другое не только для Европы, но и для нас. А вот Англия или Франция нам близки, это наше, это родное. Айвенго, д'Артаньян или кавалер де Грие – такие же русские литературные персонажи, как и Илья Муромец, князь Серебряный или Печорин. От немца мы знаем, чего можно ожидать, а от вьетнамца – нет, поэтому немного его боимся. Россия и Германия – и вправду сестры, а Россия и Таиланд – даже не родственники. Что же помешало сестрам, получившим свет Истины из одного источника, соединиться и жить вместе?

Вглядываясь в нашу тысячелетнюю историю, начинаешь думать, что тут надо ставить не вопрос «почему?», а вопрос «зачем?». То, что с нами в течение этого времени происходило, настолько не вытекало из предыдущего, что остается предположить лишь одно: причина происшедшего находилась не в прошлом, а в будущем, т.е. это была цель. Теперь эта цель начала вырисовываться, и отечественная история становится логичной. Стоики Древней Греции говорили: того, кто ей покорен, судьба ведет; того, кто ей сопротивляется, – тащит. Мы нередко противились собственной судьбе, не понимая ее смысла, и она тащила нас, порой весьма бесцеремонно. Но как теперь выясняется, она просто уберегала нас от опасностей. А главной опасностью как раз и было для нас слияние с Европой.

Есть дивная русская сказка, в которой девочка убегает от ведьмы. Когда старуха почти настигает ее, она бросает позади себя гребешок, и вырастает лес. Пока ведьма через него пробирается, девочка оказывается уже далеко. Но скорости у них разные, и злодейка снова уже близко. Тогда преследуемая бросает полотенце, и между ними возникает водная преграда. Ведьме опять приходится задержаться, чтобы выпить реку, и только после этого она бросается вдогонку. Ощущив за спиной дыхание бабы-яги в третий раз, девочка бросает мыло, и на пути преследовательницы вырастают горы. Она, конечно, их, в конце концов, прогрызает, но время уже упущено, и героиня сказки теперь в безопасности. Ученые – фольклористы выдвигали различные версии возникновения этого сюжета, но сейчас можно дать ему еще одну трактовку: это художественный образ нашей истории. Догоняющей стороной тут является Европа, убегающей – мы.

В первый раз реальная опасность того, что она сожмет нас в своих дружеских объятиях, возникла в середине X века. Княгиня Ольга, буквально силой заставившая ненавидевшего русских императора Константина Багрянородного крестить ее в Царьграде, не сумела, однако, добиться от него открытия в Киеве митрополии, и обратила взор на Запад. Немецкий хронист

записывает под 959 годом: «Пришли к королю послы Елены, королевы руссов, которая крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников». Король Оттон обрадовался этой просьбе, и возникла та классическая ситуация «полного непротивления сторон», которая называется обоюдным согласием. Казалось бы, уже ничего не могло помешать нам стать католиками. Если бы это произошло, Русь постепенно стала бы частью западного мира, как потом это случилось с католическими Польшей и Чехией. Но этого не произошло. Помешало нечто непредвиденное. Назначенный епископом руссов Либучий неожиданно умер, и другой миссионер, епископ Адальберт, сумел приехать на Днепр только в 962 году, когда из-за усиления языческой партии Святослава обстановка изменилась, и пришельцу пришлось убраться восвояси, причем на обратном пути его чуть не убили. Помня об этой печальной истории, внук Ольги Владимир, приняв решение крестить свой народ, сразу обратился к православным грекам. Так, в критический момент судьба «бросила расческу», и между нами и Европой вырос непроходимый лес различия в вероисповедании. От чего он нас уберег? От первой фазы начавшейся в Европе духовной деградации – от религиозного юридизма, характерного для «латинской веры». Уже тогда католическая церковь начала представлять отношения между человеком и Богом в виде договорного соглашения, в котором четко указано, сколько времени нужно отводить молитве, чтобы расквитаться со Спасителем, и на этом основании была создана теория «сверхдолжных заслуг», согласно которой избыточная молитва монахов создает некий фонд спасительной субстанции, которым распоряжается «викарий Иисуса Христа» Папа Римский так, что может обменивать эту субстанцию на золото, подтверждая факт состоявшейся сделки индульгенциями.

Если бы русские приняли христианство в форме латинства, они, по доверчивости неофитов, и вправду вообразили бы, что тварь может быть с Творцом на равных, входя с ним в торг, и вместо смирения, терпения и самоотверженности в нас вырабатывались бы совсем другие качества. Но мы были ограждены от этого, и надо признать, ограждены Самим Творцом, который дал нам достаточно времени для совершенно другого развития.

Но через семь веков мы снова увидели на пороге нашего дома готовую войти в него Европу, причем сам наш царь приветствовал ее и зазывал внутрь. Эта Европа была уже пострашнее той, с которой чуть не соединилась Ольга. Ее главной религией стал молодой самоуверенный протестантизм. Выросший в Немецкой слободе под опекой Лефорта и Брюса, Петр Великий видел в нем свет разума и был без ума от него. Из самых лучших побуждений он направил свою неукротимую энергию на то, чтобы сделать нас немцами. В том, что это необходимо, он убедил верхушку нашего общества, и трудно было представить, что на этот раз могло предотвратить поглощение России Европой. Но судьба и тут пришла к нам на выручку. Неумная Анна Иоанновна поняла идею «вестернизации» слишком прямолинейно, на государственных должностях началось засилье самых ничтожных выходцев из немецких земель, и у нас возникла сильнейшая идиосинкразия ко всему иностранному, так что, когда гвардия возвела на престол русскую душой Елизавету Петровну, все вздохнули с облегчением, и наша история вошла в новый виток изоляционизма.

Так было брошено полотенце, разлившееся рекой глубокого национального русского чувства, вскоре еще усиленного наполеоновским грабежом России. От чего мы были ограждены на этот раз? От второй фазы европейской деградации – от религиозного субъективизма. Ведь протестантизм, не решаясь открыто отречься от Бога, но и не желая Ему более подчиняться, подчиняет Его человеку, изымая Его из большого космоса и помещая в микрокосм, в сердце человека. Католики поставили тварь бровень с Творцом, протестанты пошли дальше и поставили ее выше Творца. В этом была четкая последовательность, но мы опять от нее уклонились и продолжали жить крайне непоследовательно.

Чтобы выпить эту реку, Европе понадобилось чуть меньше двух веков. В конце девятнадцатого столетия в России начал бурно развиваться капитализм. С 1885 по 1913 годы мы прочно занимали первое место в мире по приросту промышленности. Перспектива стать органической частью буржуазного мира Запада теперь была для нас вроде бы абсолютно неотвратимой. Что повлекла бы она за собой, если бы осуществилась? Наше приобщение к религиозному индифферентизму, свойственному тому «буржуазному» образу жизни, который воцарился в конце прошлого века в Европе и Америке, и в котором нет места никакой святыне, ибо единственным «божеством» является там Маммон. Это третий акт

европейской трагедии после латинства и лютеранства: Бог, поставленный сначала на один уровень с человеком, а потом ниже человека, теперь вообще изгоняется из картины мира и в освободившееся место вписывается золотой телец. Но неизбежность вдруг опять превращается для нас в невозможность: Октябрьская революция бросает на наши рубежи мыло марксизма, и как по волшебству там воздвигается «железный занавес», давший нам возможность развиваться «неправильно» еще семьдесят лет. И хотя истинного Бога заменили у нас на этот период кумиры, само чувство святыни в нас сохранялось, ожидая того момента, когда оно снова сможет быть направлено на подлинные духовные ценности.

В конце восьмидесятых туннель в этой горной преграде, которую с той стороны грызли политики, а с нашей – диссиденты, был проделан. Баба-яга в четвертый раз настигла растерянную Россию и крепко сжала ее своими ледяными пальцами. И нет уже у нас ни гребешка, ни рушника, ни мыльца, нечего бросить за спину, нечем отгородиться от Европы. А ведь теперь она стала еще страшнее – вошла в четвертую fazu своего вырождения, впала в сатанизм. Уже не мамона, а зевь берет там бразды правления в свои руки и вот-вот начнет ставить на челе и правой руке каждого свое число, без которого нельзя будет ни покупать, ни продавать. Выходит, и нам это уготовано?

Нет, слава Богу, нет!

Зря ведьма старалась, зря прогрызала горы теперь мы уже в безопасности. Последней семидесятилетней отсрочкой как раз – хватило нам на то, чтобы внутри нас завершился тысячелетний процесс выработки противоядия Западу, и теперь его идеология нам не страшна. У нас пошло главное: восстановление нашей религиозности. Количество действующих церквей растет у нас такими темпами, которые наблюдались разве лишь в семнадцатом веке. За последние десять лет их число возросло в десять раз! Западные «просветители» не представляют сегодня для нас серьезной угрозы, ибо мы все больше начинаем смотреть на них как на дикарей, пытающихся навязать свои примитивные ценности народу более высокой культуры и духовности. Мы решительно отвергаем свойственный Западу культ денег, предполагающий отказ ради них от любой святыни. Мы решительно отвергаем пропаганду западной масс-культурой «сексуальной революции» и половых извращений, считая все это мерзкой «порнухой». Мы решительно отмежевываемся от любого экуменизма, растворяющего подлинное христианство в неопределенном синтетическом веровании.

Читатель скажет: да, народ наш чужд западным ценностям, но ведь верхи могут его заставить с ними уживаться. Да, до недавнего времени этого можно было бояться. Но теперь такие страхи позади. Скандал с нью-йоркским банком показал, что наши «олигархи» не приняты в манхэттенский клуб. Теперь ясно, что капитализму у нас не быть, ибо низы не хотят в него вписываться, а верхи не умеют! Оказывается, чтобы стать настоящими олигархами, а не мафииозными, нужно пройти трехлетнюю выучку, а этого времени у гусинских не было, поэтому зевь, который тщательно проверяет все цифры, не допустит их войти с ним в долю.

Так, в конце миллениума, над Россией прозвучал тот же голос с неба, которым завершается «Фауст» Гете: **СПАСЕНА!**

Но для чего она спасена? Что будет с нами дальше? Об этом мы поговорим уже в следующем тысячелетии.

Виктор Тростников.

Два пути

Что избираем, то и воздаёт.
К чему винить превратности судьбы,
Коль путник обязательно придёт
Туда, куда направлены стопы?

Идущим в пропасть оправданья нет,
Закон извечный разумеет всяк:
Свет просвещает возлюбивших Свет,
Мрак поглощает возлюбивших Мрак.

Горе человека наших дней в том, что он постоянно торопится

Горе человека наших дней в том, что он постоянно, всегда торопится, часто бессмысленно и бесплодно. Человек переворачивает горы своей энергией, воздвигает и разрушает целые города в очень краткие сроки.

Но если мы взглянемся в энергию многих людей в разных странах и посмотрим на ее последствия, мы увидим, что она не увеличивает добра в мире. А иногда сильно увеличивает зло.

И борьба с самим злом делается бесплодной, если она не является в мире подлинного добра.

Жизнь людей стала и становится все более торопливой... Все бегут, боятся куда-то не успеть, куда-то опоздать, кого-то не застать, что-то пропустить, чего-то не сделать... Несутся машины по воздуху, воде и земле. Мы видим и испытываем это неудержимое, все ускоряющееся круговоротение вещей и даже понятий в мире; все ускоряющийся и в технике, и в жизни безудержный бег машин и людей...

Техника все увеличивает скорость передвижения и добывания земных ценностей. Казалось бы, должно оставаться больше времени у людей на развитие высокого их духа и разума. Однако, нет. Многим душам еще труднее и тяжелее стало жить. Душа гибнет, ей нет времени подумать о возвышенном, вздохнуть о великом, обратиться к святому. Все вертится, кружится и ускоряет свой бег. Как много призрачности в делах людей! Вместо духовного устремления и вдохновения многими людьми владеет психоз умножения только одних материальных ценностей и сил.

И эти ценности перестают быть благословенным даром Божиим, они не уравновешиваются стремлением человеческого духа к истине.

Создается «межик дел» – к делам ведь призван человек и не может быть спокоен без дел. Но материальные дела не успокаивают человека, если не он ими владеет, а они им. Становясь рабом своих материальных дел, человек стоит на песке, и созданное им разрушается. От многих гордых строений, вчера возвышавшихся, остался только один пепел, одна пыль.

Бедный человек, найди время для добра! Но тебе даже подумать о нем нет времени. Все заполнено в жизни твоей, а добро стоит у порога и стучит. Добру негде приклонить голову. О, если бы его хоть на пять минут пригласили в свою мысль, в свое чувство и желание! Но – «некогда»...

И так как добро этого не понимает, то продолжает стучаться в совесть. Человек, человек, где твое добро, где ты сам? Ты скрылся от Бога и от самого себя спрятался за крутящимися колесами и винтами жизни. Скажу тебе: торопись делать добро, торопись,

пока ты в этом мире! «Ходи в свете, пока есть свет»... Придет ночь, когда ты уже не сможешь делать добра, если бы и захотел.

Начни сперва думать о том, чтобы сделать добро, потом подумай, как его совершить, а потом начни его совершать. Добро есть светильник, он согревает и озаряет твою жизнь и жизнь людей вокруг. Добро есть самое важное дело в жизни. Послушай Бога и твою совесть. Полюби добро, пока не поздно. Ужасно будет опоздать в добре! С пустыми руками и холодным сердцем отойти в вечность с этой земли и предстать на суд Творца...

Кто не поторопится сделать добро, тот его не сделает. Добро требует горячности. Тепло-хладные не сговорят добра. Бесчувствие и равнодушие хотят связать нас по рукам и ногам, прежде нежели мы подумаем о доброе. Добро могут делать только пламенные, искренние, горячие.

Истинно добрым может быть только молниеноснодобрый человек. И чем дальше идет жизнь, тем больше молниеносности нужно человеку для добра. Эта молниеносность есть выражение духовной силы и светлой веры.

Злая же торопливость и возбужденность, которую мы наблюдаем в мире, идет от немирной совести, от упоенного собою и возбужденного миражами сердца. Зло всегда пытается разнудывать, а потом по-своему взнудывать человека. Зло хотело бы вогнать каждую душу в непосильную работу: в устремление к недостижимому и всегда уходящему от людей миражу материального счастья, независимого от внутренней, духовной жизни...

Добро же окрыляет святым вдохновением, единит людей бескорыстным единением и вводит в великую радость Творца миров...

Поспешности зла противопоставим быстроту и горячность добра. Быстрота раскаяния пред Богом, после которого бы то ни было греха пусть будет первой горячностью нашей.

Быстрота прощения брата (но не его зла) – пусть будет второй горячностью, которую мы принесем в мир.

Быстрый отклик на всякую просьбу, исполнение которой возможно для нас и полезно для просящего, это – третья истинная горячность.

Огненное отвержение всякого зла и искушения, – четвертая горячность духа.

Пятая горячность: умение быстро заметить, что кому надо вокруг и всякому послужить, хотя бы малым и уметь молиться за каждого человека.

Шестая горячность: решимость противопоставить всякому выражению зла – добро, всякой тьме – свет Христов, всякой лжи – Божию правду...

И седьмая горячность веры нашей, надежды и любви: умение мгновенно вознести сердце – и всю жизнь – к Богу, благодаря и славословия Его за всё.

«... Добро есть благо. Благ один Господь,
И только то, что от Благого - благо!»

Иеромонах Роман (Матюшин).

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский
(Шаховской).

«ДЕРЖИ УМ СВОЙ ВО АДЕ И НЕ ОТЧАИВАЙСЯ», ИЛИ ФОРМУЛА ПРЕПОДОБНОГО СИЛУАНА ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Пока врачи предрекают миру, где ковид следует волна за волной, пандемию депрессии, обратимся к опыту святых. У них есть, оказывается, формулы излечения из того, что нами переживается как кризис (от греч. «суд»), максимума выгод для души. Одна из таких формул: «Держи ум свой во аде и не отчайвайся». Это откровение, данное Господом преподобному Силуану Афонскому, чью память мы ныне отмечаем, может помочь и нам. Каким образом? – Отвечают пастыри.

Иеромонах Прокопий (Пашенко), насельник Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря:

То, что абсолютно недостижимо для тебя, легко для Бога

– Понять это откровение, данное Господом преподобному Силуану, можно именно в контексте духовного опыта самого святого. Однажды, когда будущий преподобный не был еще даже пострижен в монашество, его келья «наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел свои внутренности». В голове промелькнула мысль: «Прими! – это благодать». Душа Симеона (так звали преподобного до пострига) при этом видении смутилась. После видения странного света ему стали являться демоны, которые то говорили ему: «Ты теперь святой», то: «Ты не спасешься». Однажды Симеон спросил демона, почему они то убеждают его, что он свят, то обзывают, что он не спасется? «Мы никогда правды не говорим», – был ответ.

«Смена демонических внушений, то возносящих на «небо» в гордости, то низвергающих в вечную гибель, угнетала душу молодого послушника, доводя его до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением».

Спал мало, урывками. Шли месяцы, а мучительность демонических нападок все возрастала. Душевые силы стали иссякать, он изнемог, потерял мужество, а отчаяние и страх гибели все усиливалось.

«Ужас безнадежности все чаще и чаще овладевал всем его существом. [...] он дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в келье, в предвечернее время, подумал: «Бога умолить невозможно». С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски. В этом состоянии он пробыл около часа».

«Бога умолить невозможно», – с этой мыслью он почувствовал полную оставленность

В тот же день, находясь в церкви, глядя на икону, он увидел живого Христа – всепрощающего, безмерно любящего, радостного. Господь непостижимым образом явился подвижнику, и все его существо исполнилось огнем благодати Святого Духа.

Через некоторое время подвижник был испытан новым искушением. Однажды демоны показали ему видение: когда он стоял в храме во время богослужения, то услышал вдруг, как царь Давид поет в небе славословие Богу. Отцу Силуану представилось, что у храма не стало ни купола, ни крыши, ему стало казаться, что он видел отверстое небо. Об этом видении он рассказывал четырем духовникам, но никто

не сказал ему, что это видение было показано демоном.

«Я сам думал, – рассказывал потом старец Силуан, – что бесы не могут славословить Бога, и что, значит, это видение не от врага. Но прелесть тщеславия борола меня, и я снова стал видеть бесов».

Святые отцы советуют в подобных случаях, чтобы не повредиться умом, почитать себя недостойным видений.

Демоны приходили к нему в келью и не давали молиться. И тогда это уже был вопль изнемогшей в брани души, на что Господь подсказал: «Гордые всегда так страдают от бесов». Гордость, как отмечал потом уже умудренный старец Силуан, трудно распознать в себе. Пока человек не смирится, Господь оставляет его помучиться своим бессилием. «А когда смирится душа, тогда враги побеждены, и душа обретает великий покой в Боге». Душа преподобного, по его словам, в период демонических атак «стояла во аде». Гордую душу темная сила штурмует как нечто, по праву должно принадлежать ей. Всем, кто подобно прошедшему через этот опыт отцу Силуану будет подвергаться таким нападкам, он советует стоять мужественно, но надеясь не на себя, а крепко уповая на Бога, и враги не выдержат.

Комментируя опыт преподобного Силуана, иеромонах Рафаил (Нойка) – ученик его ученика архимандрита Софрония (Сахарова) – отмечал, что преподобный Силуан находился в состоянии, при котором он уже не знал, что ему делать и как терпеть. 15 лет суровой аскетической борьбы не приблизили, какказалось, его ко Христу. Но настал тот момент, когда Богу стало возможно говорить с ним, – а это тот миг, когда душа уже разуверилась в себе и ищет только помощи от Бога. Господь тогда и дал преподобному Силуану откровение: «Держи ум свой во аде и не отчайвайся».

По объяснению отца Рафаила, эти слова можно понять следующим образом. Будь реалистом: ты видишь, что не в силах победить врага, помни, что ты грешник. Но помни также и о том, что Господь – милостивый, а потому нет нужды отчаяваться.

То, что абсолютно недостижимо для тебя, легко для Бога.

То, что было попущено пережить преподобному Силуану, по форме напоминало тяжелую депрессию – состояние, в общем-то, известное многим нашим современникам. Но мы не думаем о святом как о человеке с психическим расстройством, а видим в нем подвижника, ведущего внутреннюю войну. Преподобный Силуан рассказывал, что однажды на него напал дух отчаяния, и ему стало казаться, что Бог отринул его и спасения нет, победы в этой битве уже не будет. Дух этот столь тяжел и томителен, что о нем страшно было даже потом вспоминать. «Душа не в силах понести его долго», – признавался ратоборец.

„ То, что было попущено пережить преподобному Силуану, по форме напоминало тяжелую депрессию „

Преподобный Силуан испытывал то, что «мы имеем отчаянием, депрессией, безвыходностью, тоской и прочим, причем мера его страданий была ужасающей. Другой на его месте покончил бы жизнь самоубийством, выпрыгнув из окна... Лично мне, – отмечает отец Рафаил, – кажется, что психические расстройства в большинстве своем являются духовными явлениями, о чем современный человек и не догадывается, мы живем в атеистическом мире».

В жизни духовной, по мнению отца Рафаила, скрыт выход из кризиса. Переживая кризис, многие люди в этот момент оказываются весьма близки ко Христу. Но, не зная того, они идут на прием к психиатру.

«Знай душа силу слов и образ мысли святого Силуана, наверняка тут же вышла бы из обдирающего ее тягостного мрака, не нуждаясь в таблетках».

Дополняя слова отца Рафаила, надо все-таки уточнить, что откровение «дергать ум во аде и не отчаяваться» было дано преподобному Силуану после того, как он вкусили благодати. Преподобный опытно познал реальность духовного мира. Если же человек со всей очевидностью к такому опытному познанию не пришел, то возникает риск того, что привыкший полагаться в мире сем на себя, он, погружаясь мыслью во ад, может просто не удержаться на этой заповеданной грани: «не отчаиваться».

„ В момент кризиса многие люди оказываются весьма близки ко Христу. Но, не зная этого, идут к психиатру „

Да и к тому же даже такому подвижнику, как преподобный Силуан, который мог советоваться со многими опытными духовниками Святой горы Афон, эти мучительные перепады состояний были попущены из-за неосознаваемой им гордости. Кто из нас уверен в том, что он покаянно постиг всю меру своей гордости?

Поэтому лучше все-таки не вырывать это ставшее известным откровение из того контекста духовной брани, в котором оно было получено, а, изучая книги о преподобном Силуане Афонском, приобщаться, по совету отца Рафаила (Нойки), опыту нашего святого соотечественника, постепенно усваивая его образ мыслей.

Хорошо бы читать и книги самого отца Рафаила – они написаны в той же духовной традиции, унаследованной им от своего наставника – отца Софрония

(Сахарова), а тем – от преподобного Силуана Афонского. Преподобный Силуан стяжал опыт дела, что называется, потом и кровью, нам же этот опыт достается от отца Рафаила в доступных для понимания объяснениях, – хотя названия своих книг современный нам автор и возводит к богохувновенным строкам Священного Писания. Например, «Живи мя по словеси Твоему».

Когда приходит Бог?

Протоиерей Сергий Баранов, старший священник и духовник Иверского женского монастыря:

– Кризис – это возможность обогатиться благодатью. Именно именем Христовым любой кризис и преодолевается – бывает быстро, иной раз долго. Но того, что ты можешь получить в кризис, тебе никогда не добьется без этого кризисного трамплина. Святые радовались трудностям, специально даже выдумали аскезу, чтоб создавать их себе. Они желали этого умирания, потому что знали, что именно так и приобретается благодать. Надо преодолевать себя – вот когда тебе не хочется вставать на молитву, тебя всего корежит и внутренне, и физически, знай, что именно тогда молитва и пойдет, когда ты все это сможешь превозмочь. Но вовсе не своей силой.

Кризис – это возможность обогатиться благодатью

От того-то преподобный Силуан Афонский и искал максимальных показателей кризиса. У старца Софрония (Сахарова) мысль неотступна от этого состояния «на краю ада». Да потому что именно там тебя и встречает Христос! Хватает тебя, чтобы ты не грохнулся, когда ты на Него надеешься. Это тот момент, ради которого, испытав его, ты все уже готов отдать. Как тот купец за драгоценную жемчужину (Мф. 13: 45). Идет и продает все – все свое имение: то, что ранее было доступно тебе, тебя вдруг уже не радует. А вот оказаться в этой нищете, за которую обещано Царствие Небесное (Мф. 5: 3), – самое то. Высшее из удовольствий.

Тренируйтесь в этом направлении. Для того нам и дана жизнь: не довольствоваться малым, а высшего искать. И вы уже не будете метаться и горевать, когда вас очередной кризис накроет, – вы используете его как шанс. И чем больше у вас будет этого опыта вживления в кризис и извлечения из него благодати, тем отважнее и прямее вы будете идти по жизни, уже не боясь ничего и во всем доверяя Богу.

Проходя именно так сквозь кризисы, вы уже не просто будете верить в Бога, но будете знать, что Господь никогда не оставит.

Но мы часто негодуем, расстраиваясь даже до слез: вот я подвзываюсь, а где благодать? Так Бог же нам ее заботливо и не дает. Пока сердце человеческое через страдания, через аскезу не навыкнет смиреннию, ему опасно вручать дар благодати. Человек же сразу с ума сойдет. Если у тебя сходу все в духовной высшей жизни получилось, ты же вознесешься. А святые отцы писали: увидел брата, возносящегося на небо, – дерни его за ногу, пусть лучше упадет.

Преподобный Силуан Афонский, величайший святой нашего времени, едва поступив в монастырь, уже имел самодвижную молитву, непрестанно творящуюся в сердце.

И духовник Свято-Пантелеймонова монастыря взял да и сказал ему: «Силуан, если ты в молодости такой, каким же ты будешь в старости, в конце своего подвига?» – тем самым искушив его. Этот помысел, как змея, проник в сердце неопытного и опустошил его. Вместо рая – ад в душе. А познав, что это такое, святой потом и плакал за весь мир от того, что видел большую часть человечества, обреченной на ад... – это действительно страшно.

Сам отец Силуан дошел до крайней грани отчаяния. Но у него был опыт видения Бога, он знал, за что и ради Кого он сражается, и благодать, в итоге изливаемая на него за эту борьбу, была настолько преизобильной, что душа не могла ее всю вместить. Поэтому если у нас что-то не получается в духовной жизни, то это еще не повод грустить. «Не мерою дает Бог Духа» (Ин. 3: 34). Если не дает – значит не готовы. Так тем более нельзя опускать рук. «Царство Божие нудится» (Мф. 11: 12). Благодать от Бога, но Господь-то смотрит именно на наши труды. И как только мы пришли в то устроение, когда дар нам не будет во вред, то дает нам, и «дает не мерою».

Господь бы и сейчас нам всем все дал, да мы не приготовили себя. А это кропотливый и нескорый процесс. Бог испытывает, смотрит на усердие, на постоянство. На смиление. Образ дан во Христе (Мф. 11: 29) – воцаряются уподобившиеся. Никакие из наших подвигов не должны обгонять смирения. Иначе это будет дьяволизм, гордыня. Один из главных признаков такого перекоса – человек перестает слышать кого-либо. На самом деле он не слышит уже и себя, а только помыслы, которые всевает ему враг. Такой и хотел бы, может, поклониться Богу, а на самом деле кому поклоняется?

Преподобному Силуану это было показано, когда в келье его между ним и иконой встал бес во весь рост, ожидая поклонения себе. И вот тут-то на мольбу отца Силуана ему было открыто: «Гордые всегда

так страдают от бесов». И он понял главное, о чем надо просить: «Господи, научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа». И услышал: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

Вот это самое лучшее, когда Бог дает тебе план действий, а не когда человек сам себе что-то конструирует. Поэтому, когда возникают искушения, надо отдавать себе отчет, что время, когда они возникли, форма этих искушений и их мера – это все во власти Бога. Не нужно ничего самому себе надумывать – просто несите то, что Бог вам посыпает, и несите с благодарностью. А Бог каждому из нас дает как раз то, что нам нужно. Искушений в жизни у всех хватает. Бегать от них не надо.

Надо их нести. Если вы будете противостоять искушениям не только внешне, но и внутренне, пытаясь при этом исполнять заповеди, то можете дойти до отчаяния, осознав, что на самом деле ничего исполнить не можете. Есть желание, есть честность, есть неустанный труд, а постоянно все рушится. Рушится и рушится. И человек подходит к такой черте, когда явственно видят и собственное несовершенство, и невозможность самому исполнить заповеди. Вот эта как раз та самая точка ада: она очень болит, тревожит и, может быть, повергает в отчаяние...

Несите то, что вам посыпает Бог. Несите с благодарностью

Но Господь передал через преподобного Силуана вот это откровение: «Держи ум свой во аде и не отчайвайся!» Если вы искренне будете стараться следовать Евангелию и все-таки не отчаяваться, вот именно в этой точке, когда надеяться уже не на что, и приходит Бог и укрепляет человека. Но это все постигается на опыте. Теоретически тут что-либо сложно объяснить и понять. Это все надо самому прожить.

Подготовила Ольга Орлова.

Дверь нужна тому, кто ищет выход. Но выход – это еще и вход. Куда? Нужен ли вход тому, кто ищет выход?

Как часто просто хочется сбежать из ада, не думая о том, что следует за этим. По-настоящему сбежать из ада можно, только войдя в рай.

Христос – Дверь, Путь, Истина, Жизнь. Войдя в Христову дверь мы попадаем в Жизнь, а значит должны быть живыми, чтобы войти.

Чем живое отличается от мертвого? Апостол Иаков нам отвечает: вера без дел – мертва (Иак. 2:14,20). Каково же дело верующего человека? Осуществление, созидание ожидаемого Царства Христова. То есть, утверждение Христовой истины словом и делом.

Мы выходим из ада мира во Христа, чтобы действовать во Христе. Сила Христова даётся для осуществления в себе любви. И через себя – в мире.

Вера без дел мертва потому, что веру мы вполне обретаем только если вселится в нас Христос, а Христос бездействующим не бывает.

«Исповедоваться – причащаться будем?»

Военные записки одного дьячка

Документальные записки о путешествии на войну дьячка Знаменской церкви села И-го Хрисанфа Каменного, без упоминания реально действующих лиц, времени и мест по причине военной необходимости. (Печатается в сокращении)

Пехота

Русские люди, мужики наши, очень удивляются, встречая священника. А я удивляюсь русским людям, мужикам нашим. Кажется, что в прежней, мирной жизни они не встречали попов, в глаза их не видывали, и те на них с неба свалились, как инопланетяне. Что тут скажешь?

Когда отцы выезжают в подразделения, они одеты по военке, в броники, но на груди епитрахиль, на шевронах Крест и Всемилостивый Спас, а на шее спецподсумок – Святые Дары для причастия. В каком-то смысле выглядят они как боевые маги из игрищ реконструкторов.

Но эти маги против киношных кажутся нескладными, нет в них ни грозы, ни убедительности.

Вот, трясемся мы по дорогам в сопровождении военной прокуратуры. До линии боевого соприкосновения км 50. Приезжаем в село. Зима, тишина, безлюдье. Улицы широченные, как футбольные поля, и покатые, как животы напротив неба. Люди незаметны. Собаки и те редко тявкнут.

Машины с гуманитаркой рассредотачиваются по разным дворам. Через несколько минут появляется пожилого вида мужичок в бушлате, с усталыми глазами. Я думаю, завхоз, что ли, или слесарь из гаража. А это полковник, замкомандира чего-то очень большого и внушительного. Только ничего большого и внушительного не видно. Полковник сообщает военную тайну. У них приказ на передислокацию, и здесь они последние три часа. (Несколько раз мы будем трястись по ухабам и жидкой грязи, чтобы встретить пустоту, воробьев в лужах и слегка оғиғевших собак, которые в своих захолустьях не привыкли, что люди умеют из ниоткуда появляться и внезапно исчезать. И даже военная прокуратура не в курсе, что Н-ской воинской части в этой балке уже и след простыл).

Полковник в курсе, зачем мы пожаловали, каждому пожимает руку, даже мне. От чего мне, мелкой клирной сошке, становится очень приятно. Словно и я важная личность на войне. Полковник сообщает, что минут через 20 «ребятики» закончат и подойдут.

– Человек 10–12, не больше. Они собираются, а дальше я неволить не могу, – предупреждает командир. – Кто захочет, пожалуйста, а кому по барабану, тому... по барабану.

И они подходят. Пехота всегда выглядит так, будто их всех одна мама родила – мать сыра земля. Почему танкисты закопчены и маслянисты, как их техника, летчики инопланетны, как их железные птицы, спецура стильна, как кино про апокалипсис, и только пехота выглядит как край черного поля, сухопутье, неудобь какая-то? Запаханы, перепаханы, то ли живы, то ли мертвые, и не то и не другое. Подходят хмурые, становятся полуокругом, автоматы висят длинными стволами вниз, словно это лопаты или грабли. Войско исподлобья на командира смотрит, что нужно-то от них?

– Братцы, – восклицает священник с преувеличенной радостью в голосе. – Есть кто православный?

– Есть, – хмуро тянут стрелки.

– Исповедоваться-причащаться будем?

В воздухе повисает пауза, от которой у меня, дьячка на слезы быстрого, сердце начинает подпрыгивать и ныть. Потому, что они почти всегда и почти все молчат. Молчат как рыбы об лед. Словно впервые в жизни слышат эти слова. И смысл слов им совершенно недоступен.

Священник на фронте преодолевает сотни и тысячи километров с одной лишь целью. Чтобы сказать бойцу – сейчас к тебе, зема-кулема, Христос придет. Во плоти, вживую. Тебе это надо? А зема-кулема молчит. Тысячу лет на этой земле живет, тысячу его родов под союз и косой в землю ложились и рождались на ней, а он не знает и раздумывает, нужен ему Христос или послать всех куда подальше?

Но в этом случае наше пребывание с пугающей скоростью теряет всякий смысл. Каждый раз, когда священник задавал этот вопрос на фронте, я, стоя за его спиной, сдувался и чувствовал себя немой былью-травой. Бездарностью, которая не в силах и одного слова донести. И висела пустота над землей, жалкая, гадкая, но рассекающая нас по живому телу. А священник говорил, как же так, братцы, если мы православными себя называем, как нам не принимать Христа? Ему молчали в ответ и на это. Ладно, говорил он, но помолиться вместе можем? Ему отвечали понуро, типа – да, чесали носы, терли глаза. Неудобно, взрослый дядька, поговорит, небось, и отстанет, небось.

Небось, это всё, чего мы могли добиться. Край поля, край деревни, улица, как голое пузо, чей-то двор, собачья конура и разоренная горка соломы под навесом. Под навес нам встать нельзя – считается, что туда может прилететь. И стоим мы, десять человечков, восемь бойцов с оружием, поп и я – не пойми кто. На своей земле потерянные, бесполковые, неприкаянные. И не знаем, что нам делать с самими собой и друг с другом.

Господи, помоги. Заступи, сохрани, спаси нас. Не отвернись от нас, не гневайся без меры, услышь нас, приклони ухо твоё, пощади нас... говорит священник тихо, отчаянно. Ему некуда отступать. Он сейчас на линии боевого соприкосновения – свет встречается с тьмой. И я вижу странную вещь.

Ничего не изменилось. Поле, небо, сеновал, собачья конура, люди. Но в них что-то изменилось. И я не сразу понимаю, что, а так всё просто. Минуту назад стояли безразлично, словно сундучки на замках, а сейчас – со вниманием. Слушают. Слова сбивают замки, открывают потаенные двери и входят. Они бьют в точку, в самую глушь сердца, где спит под слудом, словно мертвая, душа, и она оживает. Слово – живая вода и горящее золото, оно течет, горит и плавит – заступи, сохрани, помилуй, услышь, пощади... Странное дело – эти слова про меня. И про всех «Васята» с первой роты, рембата, Косой Горы, Демянска и Курганской области. Почему раньше они не приходили мне в голову? И почему сейчас они горят во мне? Подождите! Это я с Богом говорю, что ли?! К Нему так просто обратиться? Проще, чем к товарищу подполковнику. Так услышь же меня, неизвестный Бог.

И больше нет пустоты.

– Кто готов исповедоваться и причащаться, оставайтесь. Остальных... – священник умолкает на полуслове, потому что и так понятно, что делать остальным.

Но никто не уходит.

– Не бойтесь ничего, – говорит батюшка. – Каждый знает про свой камень на душе. Какой грех мучит, за что стыдно и совесть жжет. Сейчас я буду читать разрешительную молитву, а вы, про себя, мысленно, просите у Бога прощения. Зная твердо, что он сейчас вас слышит. А потом...

Парни наклоняют головы и слушают.

– ... Ты воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедший в мир грешных спаси. От них же первый емь аз...

Фронтовая литургия длится семь минут. (Строго говоря, это не литургия, а чин «егда случится вскоре вельми большому дати причастие»). Все последование, на гражданке тянувшееся две тысячи лет и полтора часа, на фронте умещается в две молитвы. Она начинается и тут же заканчивается. Жизнь, смерть, вечность, Воскресенье – летят перед глазами со скоростью света, все сжато до предела и предельно ясно. На земле из важного остаются только ты и Бог. Ты его принимаешь? Тогда Бог входит в твою жизнь, отдает Себя. Каждому, с крохотной ложечки, как младенцу первую твердую пищу, вкладывает священник в рот частицу Тела и Крови.

Когда ребята поднимают глаза, я вижу свет. В этот момент я почему-то убежден, что знаю этих людей не пятнадцать минут, а последние тысячу лет. Мне хочется сказать им об этом. Но они разворачиваются и уходят вниз по склону, каждый в свою сторону, не оглядываясь, поправляя на спине лопаты-автоматы.

Эти восемь фигурок есть вся моя русская армия. Всё моё непобедимое войско.

Штурмовики

И пришло нас к неизвестному берегу. Где-то в бескрайней степи, в белых полях и лугах, в шахматных клетках лесопадок подъехали мы своим церковным обозом к заставе. Тяжелая колесная техника сновала слева, справа, сзади, спереди, через блокпост. Мы долго ждали разрешения на въезд. Какая-то невиданная красотка за рулем чистенькой легковушки с тульскими номерами обогнала нас и проехала в село, как нитка в игольное ушко, словно она была здесь хозяйкой. (Или мне это привиделось на фоне почти полного отсутствия женщин в частях, куда мы прежде добирались?) Впрочем, к делу это отношения не имеет. Наконец, пустили и нас. Улица была запружена людьми и машинами. Жизнь здесь кипела и двигалась во всех направлениях. Проехав насквозь, мы свернули в овражек и поднялись наверх. Посреди поля большой каменный храм. Купцы строили, большевики разрушили. Храм похож на огромного раненого кита, вынесенного на берег. Прямо под окнами дымились походные кухни, и парень в засаленном бушлате с трудом тащил белую кастрюлю с красными буквами ГЦ – горячий цех? Щи, подумал я с тоской и нежностью. (Или щи мне тоже привиделись на фоне почти полного отсутствия горячей пищи в нашем рационе?)

Но и это к делу не имеет отношения.

Литургия не имеет границ, не зависит от обстоятельств. Единственное, без чего ее не бывает – без людей. А нас там собралось, страшно вымолвить, – 60 человек. Я подумал, что столько мужиков за раз я встречал только в бане. И никогда – в церкви.

Они стояли, сгрудившись перед иконой Богородицы. Кто с оружием, кто без, кто высок и красив, но больше скромных да щуплых. Неказистый мы народ, надо признать. Были мордатые и тонколицые, худосочные и увальни, доходяги и полублаженные, злые и простофили, судя по лицам. Про некоторых из них я вообще не мог понять, кто их в армию пропустил?

– А москвичи есть? – вдруг спросил отец.

– Есть! – отозвались из задних рядов.

– Из какого района?

– Из вашего, батюшка.

– Да ладно! Покажись-ка.

Из толпы вышел мужик лет сорока.

– Нет, не помню лица, – огорченно сказал священник.

– Зато я вас помню, – сказал солдат, – вы провожали нас осенью в военкомате.

– Ага.

– Я вам тогда сказал, поехали с нами.

– И что я ответил?

– Вы сказали, что мы здесь встретимся.

– Значит, не наврал?

– Так точно, не наврал!

И народ засмеялся.

– Братья! – возвысил голос отец А., – по образованию я учитель начальной школы. Сейчас я вам про литургию расскажу, как детям рассказываю. Итак: представьте, что вас пригласили на царский пир. И вот стоит длинный, длинный стол, во главе которого, во глубине веков, сидит сам Христос. А рядом с ним, по правую и левую руку восседают его ученики, апостолы, мученики, прорвездники, воины, юродивые, князья, монахи и прочие святые хорошие люди. А рядом с ними наши родные и близкие, прабабушки и прадедушки, отцы и матери, братья и сестры, все, кто приходили ко Христу в прежние времена. Но и это еще не всё. Здесь же, за одним столом, наши с вами дети, внуки и правнуки. Еще неродившиеся, но уже живущие в замысле Божьем. У литургии нет времени. Она не боится смерти. Она длится тысячи лет, в прошлом и в будущем. И за этим пиршественным столом мы с вами, здесь и сейчас, соединяемся со Христом и всеми людьми в одно целое неразрывной связью. Помолимся же! И приступим!

И тогда через несколько минут случилось то, ради чего Хрисанф Каменный из села И-кого пишет эти нудные, никчемные записки. Чтобы главного в жизни не забыть и детям своим передать.

Отцы прочитали молебен Богородице, затем начали читать молитву к общей исповеди, и все летело, как всегда, стремительно и страшно. И вдруг в толпе раздался голос:

– Братья!

Все стихло. А этот голос продолжил:

– Простите меня, братья! За все зло, кому причинил, простили меня!

Голос принадлежал мобилизованному, солдатику лет тридцати пяти, высокому, молодцеватому, с худым, словно острый ножом вырезанным лицом.

И в ответ ему, глухо:

– Принимаем.

– И меня простили, братцы! – вдруг зазвенел еще один голос, и за ним еще один и еще.

– И меня...

– И меня...

И никакая сила не могла это остановить. Голоса поднимались и тонули в общем хоре. Словно невесть откуда, как тайфун, пришла 9-балльная волна с моря и захлестнула всех. Обдала ледяной водой, обожгла ужасом и радостью, силой подняла над землей, качнула, как в колыбельке, над страхом и горем, омыла от черноты в сердце, очистила от всей копоти и ушла сквозь стены, оставив по себе звенящий свободой воздух и ликующий крик птиц. Это был воздух победы.

Я стоял, боясь пошевелиться, у окна, немытого тысячу лет. Я опять видел парня в засаленном бушлате, который тащил кастрюлю с красными буквами «ГЦ». Щи или не щи. Теперь он тащил кастрюлю за одну ручку, пустую, и бряцал по краю половником. Как в колокол бил. А у меня ком в горле, дышать нечем. Никто и никогда не исповедовался так в моей жизни. Никогда я не надеялся увидеть русское покаяние. И вот оно, страшное, необъяснимое, дурацкое и прекрасное, как все родное. Глаза поднимают, не один я такой, плачут мужики, не сдерживаясь, и глаза прячут. Отцы, что вели службу, растирались на мгновение, смолкли. Волна ударила и обняла радостью, непонятной, нелогичной, не могущей здесь быть. И одной на всех.

Говорили, что через несколько дней все «штурмы» ушли за ленточку.

Окаянное мое тщеславие из кожи выпрыгивает, хочет, чтобы записи свои я начал по-другому, примерно так:

«Так как уже многие взялись за составление повествования о совершившихся среди нас событиях, как передали нам те, кому от начала довелось быть очевидцами и служителями слова, решил и я, тщательно исследовав все с самого начала, последовательно написать для тебя, превосходнейший Феофил, чтобы ты познал достоверность того учения, в котором был наставлен».

Что вздумал убогий Хрисанф – уподобиться апостолу Луке? Дерзать самому заикнуться о Благой Вести? Да за это в земляной тюрьме тебя мало скануть со всеми костями, рогами и копытами!

Умом понимаю, а сердце упрямо тянет своё.

Недостойный дьячок Хрисанф, ты прах и пепел земли, ты тугодум и тугоух, ты вечный косячник и заноза в сердце любой жены твоей, ты стал очевидцем событий, которые при тщательном исследовании рассказывали именно об этом. О том, как Бог приходил к человекам.

Что же ты видел? Там, на фронте, я видел раненые танки, раненые дома, раненые улицы, раненые мосты, раненые дороги, раненную землю, раненое небо, раненных людей.

Я не увидел силы.

Правильно. Потому, что не в силе Бог, а в правде. Где же правда? В нас. Сила Моя совершается в немощи. В немощных людях, к которым приходит Христос.

Он был среди нас, и довольно нам благодати.

Како таком умолчишь?

Победа – это трудно, долго и горько. Победа это – ПОСЛЕБЕДЫ. Мы обязательно победим.

И щей победных похлебаем.

Донбасс. Зима 2023.

■ *Духовная поэзия иеромонаха Фомана (Матюшина)*

ДУША

Душе свободной ничего не страшно.
Не дай, Господь, обратно повернуть!
Жизнь не застолье, где питьё и брашно,
Жизнь – это путь, всегда Голгофский путь.

Стремится дух к благословенной выси,
Откуда Свет Немеркнувший, Святой...
Когда душа найдёт заветный бисер,
Её не напугаешь нищетой.

Грозит земля сетями Божьей птице,
Но душу озаряет Горний Свет.
Одно лишь тело затворит темница,
А в Царствии Твоем неволи нет!

ЖИЗНЬ

Растленный дух тиранствует над телом,
Подлунный путь изменчив дозела,
И если детство в Небеса глядело,
То юность нас по лужам повела,

Забрызгала одежды, наследила
И отошла, губительница душ,
Чтоб молодость распутицей водила
И научила пить из этих луж.

А зрелость не особенно трезвилась,
Не приучила к роднику ходить...
И только старость под конец взмолилась,
Слезой пытаясь прошлое омыть.

УЗКИЙ ПУТЬ

Господь украсил небеса
Любвеобильно десницей
И, чтобы дух не угасал,
Всему определил границы.

Нам заповедан узкий Путь,
Путь жизни и благословенья.
Кто хочет Божье зачеркнуть,
Тот обречён на истребление.

Творение добро зело,
Причина бедствий – наше зло.
Восходит солнце день за днём,
Но если долу устремится,

То опалит, сожжёт огнём,
И всё живое испарится.
Плыт луна, лаская взор,
Но сокрушится лад природы –

И снежные вершины гор
Покроют пагубные воды.
Трясёт незыблемую твердь:
Широкий путь ввергает в смерть!

Не уязвись хотеньем грудь,
Весь мир подлунный стал бы раем.
Но мы хотим расширить Путь,
Пределы Божьи попирая.

И ураганы, и недуг,
Страдания земли и тела
Нам посыпаются не вдруг,
Являя выход за пределы.

Идём по лезвию ножа...
Душа болит... Жива душа!

ВСЁ ВО БЛАГО

Если край людьми не испохаблен,
Всюду лад, куда ни глянет глаз.
Стройность сосен и кудрявость яблонь –
Эти греют, те питают нас.

Всё премудро, и дожди, и грозы,
И метель, и неземная тиши.
Всё во благо, всё тебе на пользу,
Если ты за всё благодаришь.

ЦЕРКОВЬ

Свет разгоняет тьму, а не иначе,
И если кто ещё в своём уме,
То выйдет к Свету, благодарно плача
За то, что не погиб в кромешной тьме.

И чистоту не смешивают с грязью:
Не обелят собой снежинки грязь.
Когда мороз, тогда детишкам праздник,
И на окне искрится чудо-вязь.

Пока не возжелаем жизни новой,
Душе не воспарить над суетой.
Не может Церковь быть чуть-чуть Христовой,
Не может Святость быть чуть-чуть Святой.

Не нужно Церковь встраивать куда-то:
Она у Царства – Царские врата.
Обретший Бога обретает брата
В объятиях распятого Христа.

С ТОБОЮ БОГ!

Когда уныние тревожит,
Земля уходит из-под ног,
Когда никто помочь не может –
С тобой Всемилостивый Бог!

Когда, друзьями попираем,
Не в силах смути побороть,
Утешься – на тебя взирает
Лобзаньем преданный Господь.

Когда тебя – всё может статься, –
Вдруг поведут на смертный суд –
Объятья Крестные Страдальца
В объятья Отча вознесут!

ПРИМЕЧАНИЕ

Газета нуждается в финансовой поддержке. Будем рады любому сотрудничеству.

В газете использованы материалы журнала «Фома», сборника «Душа – встреча с Господом» и православных сайтов.

Уважаемые читатели! Наша газета содержит изображения святых символов. Убедительно просим бережно обращаться с газетой.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

156530, Костромская область, Костромской район,
п. Караваево, Учебный городок, д. 34 (главный корпус),
каб.220, телефон 62-91-30 (доб. 4202)

Редактор Н.В. Киселева.
Верстка Н.М. Соколовой.

Хри

С праздником
Пасхи